

Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжась на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...»

XXIII.

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сявозъ пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкала зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подшвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.

Казалось мнѣ,

Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ
И солнце сявозъ хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыхъ стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головою моею не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-вѣженъ и глубоко...
И надивиться я не могъ:
Ея серебряный голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

«Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ и покой.

Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой

Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...»

«И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилно тѣла уступилъ...»

XXIV.

«Такъ я найденъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ.
Внимание скорбное ничто
На имя темное мое».

XXV.

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожестъ свою тюрьму
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ рай.
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между прутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бѣ рай и вѣчность промѣнялъ!...»

XXVI.

«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ недолго ждать—
Ты перенесъ меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣлъ
Акаціи бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листь
Тамъ положить вели меня.